

- ¹⁰ Там же. С. 150–151.
- ¹¹ См.: *Gentile E.* Il mito dello Stato Nuovo dall'antigiolittismo al fascismo. Roma; Bari, 1982. P. 148.
- ¹² Ibid. P. 150.
- ¹³ См.: *Gentile E.* Op. cit. P. 152; *Nazzaro G. B.* Futurismo e politica. Napoli, s. a. P. 106–107.
- ¹⁴ L'Impero Italiano // Il Futurismo. 1923. 1 mag. № 8. P. 1.
- ¹⁵ См.: История Италии. М., 1971. Т. 3. С. 444.
- ¹⁶ См.: *Григорьева И. В.* Антонио Грамши и проблемы тоталитаризма // Левые в Европе XX в.: Люди и идеи. М., 2000. С. 198.
- ¹⁷ *Azzali F.* Funzione degli intellettuali // Critica fascista. 1939. 1 apr. P. 177.
- ¹⁸ Archivio storico Fondazione Ugo Spirito (Roma). Fondo G. Bottai. B. 2. Fasc. 8.
- ¹⁹ *Azzali F.* Op. cit. P. 178.
- ²⁰ *Ginelli A.* La cultura nel regime // Gerarchia. 1939. № 9. P. 648.
- ²¹ Цит. по: *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994. С. 289.
- ²² Там же. С. 294–295.
- ²³ L'educazione fascista. 1927. № 1. P. 82.
- ²⁴ Ibid. № 12. P. 1066, 1067, 1069. Перевод полного текста выступления Д. Джентиле на русский язык см.: *Нестерова Т. П.* Политика итальянского фашизма в сфере культуры: По материалам II конгресса Фашистских институтов культуры (1931) // Урал. вестн. междунар. исслед. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 191, 192, 195.
- ²⁵ Dizionario mussoliniano. Bologna, 1994. P. 173.
- ²⁶ *La Rovere L.* Storia dei GUF: Organizzazione, politica e miti della gioventù universitaria fascista 1919–1943. Torino, 2003. P. 220.
- ²⁷ Ibid. P. 321.
- ²⁸ См.: Ibid. P. 37.
- ²⁹ Цит. по: Ibid. P. 322.

К. Ю. Ершов

Американское россиеведение: истоки, этапы развития и современное состояние

История — это мир идей и личностей.

А. Рибер

Постижение России, ее истории, внутренних процессов и внешней политики всегда было сложной проблемой для западных специалистов — россиеведов и советологов, так как существует

целый ряд общественных, личных, идеологических и методологических факторов, постоянно оказывающих определенное влияние на этот процесс. В данной работе автор попытался выделить основные этапы формирования и становления руссиеведения в США, обозначить причины его возникновения и тенденции развития.

До 1914 г., т. е. до начала Первой мировой войны, история России преподавалась только в отдельных учебных заведениях Штатов и лишь немногие американцы занимались ее исследованием. Образ России у граждан Америки формировали в основном журналисты, которые, в свою очередь, отражали преимущественно мнение британской печати по этому вопросу. И к 80—90-м гг. XIX в. в США сложилось два четко обозначенных направления общественной мысли: русофобы и сторонники прогрессистского движения. К первому относились журналисты и «нейтральное» большинство населения, знающие только о русских морозах и русском самодержавии. В стандартный набор характеристик России большинства западноевропейских авторов входили идеи, четко сформулированные Ч. Саросли¹ в серии из двенадцати статей, объединенных темой «Русский национальный характер» и опубликованных в лондонском «Daily Telegraph»². Во-первых, он считал, что Россия никогда не преодолет последствий «монгольской катастрофы», очень серьезно подорвавшей творческий потенциал нации. После монгольского нашествия, «сколь бы блистательным в ряде отношений... ни представлялся самый ранний период русской истории, Россия утратила способность к оригинальному политическому, социальному и экономическому развитию и оказалась обреченной на заимствование соответствующих западных образцов», причем заимствование «несерьезное, поверхностное, дикое», не затрагивающее глубинных пластов народного сознания. Во-вторых, по мнению Ч. Саросли, неспособность России творчески воспринять все многообразие достижений западной цивилизации привела к тому, что «у русского человека выработалась привычка к зависимости, несамостоятельности, он привык быть забитым и лишенным инициативы». Отсюда особое тяготение русских к внешнему авторитету, влия-

тельной и подчас грубой силе государства, заменяющего собою все виды и формы общественных отношений и потому становящегося «таким безраздельным и абсолютным царством внешнего принуждения, каких не знал даже Древний Восток». И наконец, в-третьих, осознание политическими верхами Российской империи собственного подчиненного и зависимого положения в системе международных отношений «вынуждает российских императоров прибегать к поиску политических решений, которые позволили бы поддерживать иллюзию политического всемогущества и государственного величия Империи». По этой причине внешняя политика России определяется набором политических конъюнктур, «ее нельзя спрогнозировать, рассчитать, Россию невозможно воспринимать как партнера наравне с другими европейскими державами, с ней лучше быть осторожнее, — как с Востоком...»³.

Само собой разумеется, основной задачей периодики было отражение политической конъюнктуры, и периодические издания никогда не претендовали на выполнение специфических историографических функций и задач научной россиики. Но подогретое сведениями о погромах в России в 80-х гг. XIX в. и наплывом эмигрантов, большинство из которых (примерно 90 %) были малограмотными неквалифицированными рабочими, общественное мнение претерпевает раскол.

Сторонников прогрессистского движения возглавлял Чарльз Р. Крейн, который после нескольких своих поездок в Россию проникся русским стилем жизни и в 1891 г. попытался основать в Соединенных Штатах первый центр по изучению ее культуры⁴, чтобы бороться с тем, что он называл «неоправданным предубеждением». Он создал лекторий в Чикагском университете (научном центре прогрессистов) и приглашал известных лекторов из-за границы, таких как Томаш Масарик и Павел Милюков.

Первой крупной работой по истории России, написанной американцем, стала изданная в 1884 г. двухтомная биография Петра I, ее автор Юджин Скюйлер (1840—1890) — американский консул в Москве, секретарь посольства США в Петербурге. Другой серьезной работой была книга сторонника движения

прогрессистов Джорджа Кеннана (дальнего родственника знаменитого американского дипломата), который в 1891 г. написал яркую и обличительную книгу о тюрьме и ссылке в России. Но все-таки основоположником изучения истории России и Восточной Европы считается Арчибальд Кэри Кулидж, профессор истории Гарвардского университета. В 1894 г. он включил курс по истории России в свои курсы, хотя никогда не учил русский язык и мало что публиковал об этой стране. Тем не менее он призывал своих слушателей и американских историков изучать историю России в контексте истории северо-восточных европейских стран, вместе с историей Швеции и Польши, и использовать при этом широкий подход, который позднее получил название «междисциплинарного». Некоторые из студентов А. Кулиджа стали преподавать историю России, но только двое из них посвятили свои диссертации специально русским темам: это Фрэнк Альфред Голдер (1877–1929) и Уильям Леонард Лангер (1896–1977). Из них особого внимания заслуживает Фрэнк Голдер — американский собиратель русских исторических источников, чье имя стоит первым в ряду довоенных архивистов-россиеведов США, в число которых входили А. Бабин, Л. Винер, А. Ермолинский и Г. Винокуров.

Ф. Голдер — русский эмигрант, покинувший Одессу с родителями в 1885 г., когда ему было восемь лет. Работа преподавателем на Аляске определила тему его диссертации — «Русские путешествия в северной части Тихого океана для определения взаиморасположения Азии и Аляски», защищенной в 1909 г., а также одну из областей научных интересов — он открывает в 1901 г. Отделение американского фольклорного общества в Аризоне, целью которого стал сбор преданий, легенд и песен коренных народностей. Уже первая поездка в Россию в 1914 г. (по гранту Института Карнеги) дала впечатляющие результаты: профессор Ф. Голдер подготовил всеобъемлющий перечень документов царского МИД по истории отношений России и США до 1854 г., издал «Путеводитель по материалам истории Соединенных Штатов Америки в русских архивах», опубликовал монографию «Русская экспансия в Тихом океане (1642–1850)». В следующую поездку в 1917 г. Ф. Голдер

смог купить архивные материалы, например, коллекцию П. Милюкова, а также большое число материалов по истории второй русской революции, прежде всего листовок, прокламаций, книг и газет. За время этой поездки он подписывает соглашения с библиотеками России и официальными лицами о передаче публикаций или обмене ими. Не имея зачастую официальных источников финансирования или разрешения на их использование, он покупает многие материалы за счет своих сбережений. На основе этой поездки позже он издаст книгу о второй русской революции (в соавторстве с Сэмюэлем Харпером, Александром Петрункевичем и Робертом Кернером)⁵, публикует ряд источников (например, журнал немецкого минеролога Георга Стеллера, сопровождавшего В. Беринга во втором плавании).

В начале 1920-х гг. его поездки стали почти что ежегодными. Специалисты оценивают их как «эпохальные» в истории американской русистики. Так, с 1921 по 1923 г. Фрэнк Голдер отправил из России в США массу материалов, содержащих свыше 40 тыс. наименований. В ходе своих поездок он близко знакомится с Луначарским, Покровским и особенно Карлом Радеком, с которым часто встречается по делам АРА (American Relief Administration). Ф. Голдер работал с архивами в основном в Москве и Санкт-Петербурге, где до мая 1923 г. сумел собрать при помощи Покровского огромное число материалов, в том числе 90 % всех актов Советского правительства, каждый в двух экземплярах, почти полное собрание русских журналов XIX в., книги и документы известных историков, книги из царской библиотеки и многое другое⁶. В 1927 г. в соавторстве с Линкольном Хаткинсоном он выпускает книгу о голоде в России⁷ (по делам АРА Ф. Голдер в середине 1920-х гг. ездил с инспекционными поездками в города Поволжья). По возвращении в США он пытается создать при Стэндфордском университете институт по изучению русской революции на базе Гуверовской библиотеки (переименованной в архив в 1922 г.). Однако его усилия были встречены с недоверием как в американской научной среде, так и среди советских официальных лиц. К сожалению, профессор Ф. Голдер не дожил до открытия

Гуверовского института войны, революции и мира, состоявшегося в 1941 г.

Ф. Голдер сыграл важную роль в установлении связей между учеными России и Америки, чему способствовало его личное знакомство с ведущими русскими историками того времени. Он подготовил почву для принятия американской читающей публикой нововведений, привнесенных в науку русскими специалистами, переехавшими на работу в США после революции. Некоторые деятели культуры и искусства, с которыми он имел дело, отдали ему свои мемуары (в частности, историк Юрий Владимирович Готье, академик, один из учеников В. О. Ключевского). Ф. Голдер принял личное участие в судьбе Г. В. Вернадского, представил его в академической среде Нового Света, ратовал за приглашение и других выходцев из России для работы в научных центрах Америки. Несомненно, главной заслугой Ф. Голдера стала его архивная деятельность. По сути, одним из первых в США Голдер стал собирать различные источники по истории России, причем достиг на этом поприще огромных результатов.

Но вернемся к американскому россиеведению в целом. Арчибальд Кулидж воспитал кроме Фрэнка Голдера еще двух знаменитых россиеведов. Это Уильям Лангер, преемник А. Кулиджа в Гарварде, и Роберт Кернер, который начинал работать в Беркли. Оба, конечно, тяготели к изучению проблем русской экспансии и внешней политики и привлекали своих студентов к разработке тех же сюжетов. Первым крупным историком, по собственной инициативе приступившим к изучению внутренней истории России, стал Джеройд Тэнкьюрей Робинсон (Geroid Tanquaray Robinson), которого в Америке также считают одним из основателей американского россиеведения.

Будучи выходцем из сельской глубинки юго-запада, он вначале сочетал свои занятия историей в Стэндфордском и Колумбийском университетах с журналистской работой в крупных либеральных журналах⁸. В 20-х гг. Д. Робинсон был одним из первых американских историков, который имел возможность жить и заниматься исследовательской работой в Советском Союзе и свободно ездить по стране. Поскольку он

интересовался аграрной политикой на американском юге и был связан с движением прогрессистов, то предпринял амбициозное исследование по истории крестьянства России от крепостного права до революции. Результатом чего стала превосходно написанная и основательно документированная, оснащенная ценными статистическими сведениями из опубликованных и архивных материалов книга «История крестьянско-помещичьего мира и пролог к крестьянской революции 1917 г.»⁹ — классическое исследование в американской историографии.

Несмотря на усилия пионеров и небольшой группы занимавшихся с ними студентов, изучение России продолжало в это время оставаться на обочине американской исторической науки. Показателем сравнительно слабой изученности истории России в Соединенных Штатах служило незначительное число статей по данной тематике, опубликованных в ведущем американском историческом журнале *American Historical Review*. В своей статье в сотом выпуске этого журнала Теренс Эммонс¹⁰ обратил внимание на то, что, за исключением нескольких статей Ф. Голдера, двух сообщений русских ученых (о роли России в международной дипломатии и о положении профессии историка в период русской революции) и двух статей студентов А. Кулиджа о внешней политике России (все они были опубликованы в период между концом 1910-х и началом 1920-х гг.), вплоть до окончания Второй мировой войны на страницах этого журнала о России ничего не публиковалось. Возможно, такое отношение к русской истории было ярко выраженной реакцией на приход к власти большевиков и на волну антикоммунистических настроений, которые охватили американское общество в начале 20-х гг. Однако американские историки относились с известным пренебрежением не только к изучению истории России, но и к изучению других стран, не считая Западной Европы.

С другой стороны, в 20-е гг. впервые в Соединенные Штаты эмигрировала небольшая группа высокообразованных русских историков — представителей старшего поколения первой волны. Среди них были такие выдающиеся личности, как М. И. Ростовцев (Висконсинский и Йельский университеты),

А. А. Васильев (Висконсинский университет), Г. В. Вернадский (Йельский университет), М. М. Карпович (Гарвардский университет), М. Т. Флоринский (Колумбийский университет), А. А. Лобанов-Ростовский (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и затем в Мичигане), Л. И. Страховский (Джорджтаунский и Мэрилендский университеты), Д. Н. Федотов-Уайт (Пенсильванский университет) и некоторые другие¹¹. М. И. Ростовцев стал даже в 1935 г. президентом Американской ассоциации историков, причем остался единственным из русских эмигрантов, кто достиг такого признания. Но каких бы научных успехов ни достигали те или иные русские эмигранты, большинство представителей старшего поколения в своей практической деятельности сталкивались с целым рядом проблем, связанных с системой преподавания, которые серьезно препятствовали их научным занятиям и возникновению определенного поля их деятельности. Несмотря на это русские историки-эмигранты пытались привить своим студентам и научному сообществу Америки собственный подход: при изучении внешней политики со времен Петра I и до 1917 г. они рассматривали Россию как часть европейской системы; при изучении внутренней политики в основе их интерпретации была мысль о том, что российское самодержавие — это одна из разновидностей европейской монархии. Они признавали важность реформ, проводимых сверху, как правило, критиковали их за несовершенство и подчеркивали роль интеллигенции как катализатора перемен. Они заявляли, что Россия постепенно продвигалась по направлению к правовому государству до того момента, когда большевики, захватив власть, внесли радикальные перемены в политику страны¹². Марк Раев утверждал, что «интерпретация истории России как последовательности строго определенных периодов, отделенных друг от друга радикальными переворотами, — явление, типичное для характеристики дореволюционной историографии»¹³, из-за чего в умах большинства историков-эмигрантов теплилась мысль о том, что большевистская революция только один из эпизодов в прерывистом процессе русской истории. Неудивительно поэтому, что историки-эмигранты и их студенты сосредоточили свое внимание

на послепетровском, имперском периоде истории — времени наибольшей интеграции России в европейскую цивилизацию.

1917 год предопределил возникновение отдельной науки — советологии. Из-за отсутствия историков-специалистов, советской пропаганды, трудностей доступа к СССР, пресечения контактов с иностранцами со стороны НКВД изучением Советского государства и советского общества до Второй мировой войны занимались преимущественно журналисты. Интерес вызывало функционирование советского общества как такового, но само американское общество было разделено противоречиями идеологического характера, которые продолжали углубляться. Среди работ этого направления стоит выделить серьезное исследование общего характера о революции в России журналиста Уильяма Генри Чемберлена¹⁴. У. Чемберлен женился на русской и жил в России девять лет. Его история революции была не журналистским пафосом, а научной работой, основанной на большом количестве опубликованных источников, его суждения носили взвешенный характер и, безусловно, свидетельствовали о глубокой интуиции автора. Книга У. Чемберлена оставалась, по крайней мере в течение последующих тридцати или сорока лет, лучшей обобщающей работой по истории русской революции на английском языке и, по мнению некоторых историков, не утратила свою ценность и поныне. Но была и другая сторона в суждениях журналистов о Советской России. Отчасти из симпатии, отчасти по соображениям карьеры журналисты в 20-е и в начале 30-х гг. были склонны оправдывать диктатуру И. Сталина за недоказанностью широко обсуждавшихся слухов о таких явлениях, как трудовые лагеря, раскулачивание и голод. Эти наивные взгляды приводили в ярость сведущих в истории людей, которые понимали реальное положение вещей.

Однако, несмотря на отдельные публикации журналистов о СССР, серьезные научные изыскания прервались на более чем двадцать лет — работа в Советском Союзе была заморожена.

Во время Второй мировой войны сложились предпосылки для будущего, сильно отличающегося от предыдущего, изучения нашей страны. Во-первых, многие из преподавателей американских университетов пошли добровольцами в Вооруженные

силы и начали работать в правительственных учреждениях, в частности в Государственном департаменте и в Управлении стратегических служб (предшественник ЦРУ), что после войны способствовало двустороннему обмену сотрудниками и информацией между университетами и правительственными учреждениями. Правительство США осознало необходимость возобновления систематического изучения Советского Союза, подготовки не только преподавателей-советологов и ученых, но и государственных чиновников, что создало прецедент, уникальный в истории американского образования: финансовые ресурсы в огромных масштабах из частных филантропических организаций (фонды Рокфеллера, Форда, Карнеги и пр.) и фондов правительства США были направлены в крупные университеты для удовлетворения прагматических интересов Соединенных Штатов Америки как мировой державы. Новая программа была внедрена в Гарвардском университете (Русский исследовательский центр), Колумбийском университете (Гарримановский институт), Калифорнийском университете в Беркли и Университете Вашингтона. В течение первого послевоенного десятилетия они оставались самыми крупными центрами и были чрезвычайно облагодетельствованы вливанием денежных средств для найма новых преподавателей, расширения помещений для библиотек и для приема студентов, изучающих историю России. В первые десять лет благодаря университетским программам было подготовлено более четырехсот магистров, из них девяносто восемь — по истории, и восемьдесят три человека получили степень докторов, в том числе двадцать три историка¹⁵.

Во многом как следствие в начале 50-х гг. формируется так называемая тоталитарная школа советологии. Ее основоположником была Ханна Арендт, которая выдвинула в своей книге «Корни тоталитаризма»¹⁶ утверждение, что «в XX в. появилась качественно новая, уникальная форма деспотизма, основанная на массовой, всенародной мобилизации общества идеологизированной политической властью», и что «высшим проявлением ее стали нацизм и коммунизм»¹⁷. К. Фридрих и З. Бжезинский превратили теорию Х. Арендт в модель¹⁸, согласно которой тоталитаризм характеризуется: 1) официальной

идеологией; 2) единственной массовой партией, возглавляемой вождем; 3) системой террористического полицейского контроля; 4) монополией на информацию; 5) контролем партии над вооруженными силами и 6) централизованно управляемой экономикой. О том, что формировавшийся американский подход к советской истории был преимущественно политическим и идеологическим, свидетельствует и книга Л. Шапиро «Корни коммунистической автократии»¹⁹, в которой автор утверждает, что уже при В. Ленине советский режим был направлен на уничтожение всех сил, могущих соперничать с ним в борьбе за власть и тотальную ее концентрацию в руках партии (позже эта тема была развита им в «Коммунистической партии Советского Союза»²⁰). Такой же взгляд на СССР как на тоталитарный монолит содержится и в книге Мерла Фэйнсоды²¹ «Как првят Россией»²².

Однако здесь стоит остановиться и вспомнить слова «великого Арчи» о междисциплинарности изучения России. С установлением «равновесия страха» между двумя сверхдержавами сложилась тупиковая ситуация, СССР сделался постоянной силой в международных делах. Поэтому «пришло время успокоиться и анализировать его (СССР. — К. Е.) трезво, без эмоций периода позднего сталинизма»²³. Это означало обработку советских данных посредством безоценочных категорий «новых» общественных наук. К последним причислялись прежде всего экономика, социология и политология. Так, академические исследования СССР, начавшиеся в виде простых «региональных исследований», очень скоро трансформировались в «ревизионистский» подход тоталитарной школы.

Во всех вышеупомянутых общественных науках произошел отказ от утверждения, что советская система (как экономика, так и общество) схожа во всем с системой другого тоталитарного государства — нацистской Германии. Этот упрощенный тезис был заменен в разных науках по-разному. В экономике для изучения советского ВВП была применена модель «регулирования фактора стоимости»; основываясь на ней, А. Бергсон²⁴ сделал вывод, что с 1928 по 1940 г. советский ВВП вырос более чем на 60 % (за те же годы ВВП Америки упал на 33 %),

после чего большинство американских экономистов стали оптимистично смотреть на советскую экономику с постоянно растущим ВВП²⁵. Было общепризнано, что в СССР развивается экономика и, следовательно, происходит конвергенция с остальным «цивилизованным» миром. Таким образом, коммунизм становится способным к реформированию, что в корне отличает его от фашизма или нацизма.

Еще более неадекватную замену вышеупомянутого тезиса сделала американская социология. Эта наука даже в 50-х гг. ратовала за применение универсальной модели прогресса к советскому опыту, который считался разновидностью всеобщих общественных процессов. Яркое подтверждение этому — книга Б. Мура «Социальные формы диктатуры и демократии»²⁶. Ее суть: в Англии, Франции и США революционный переход от традиционного общества к индустриальному (или развитому) возглавила буржуазия, результатом чего стали капитализм и демократия; в Германии и Японии капитализм устанавливался «сверху» аристократией, в результате чего там возник фашизм; а в России и Китае старый порядок был свергнут крестьянами и началось построение коммунизма, в основу которого была положена индустриализация, осуществляемая деспотическими бюрократическими методами. Ни роль большевистской партии и пролетариата, ни историческая специфика не были учтены. Зато новое направление, делающее из Советского Союза родственное Западу общество, было полностью одобрено.

Альфред Рибер верно отмечал, что из-за отсутствия историков-специалистов изучением Советского государства и советского общества между Первой и Второй мировыми войнами занимались преимущественно журналисты, а после войны — политологи. Политологией была проникнута вся советология. Именно поэтому политологи первыми выдвинули вопрос об определении предмета изучения советологии и определении самого термина «советология». Оксфордский словарь отмечает первое употребление этого термина 3 января 1958 г. в лондонском еженедельнике *Observer*. В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно: А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что «советология — ужасное

слово, но как можно его не использовать?»²⁷. Р. Такер²⁸ правильно заметил, что если советология — это изучение СССР, то тогда «выпадает» период 1917—1922 гг. Другие отмечали, что советологией никак не может быть изучение коммунизма (как это делали многие представители тоталитарного направления), так как отсутствует точность и в дисциплинарном, и в географическом отношении. Единого мнения о предмете и самом определении советологии до сих пор нет, но политологи-ревизионисты сходятся в одном: не отвергая тоталитарный характер советской системы при И. Сталине, они говорят о смягчении системы при наследниках И. Сталина до уровня авторитаризма, причем «авторитаризма в развитии», а значит, кардинально отличающегося от фашизма. Д. Хоф, один из самых известных политологов-ревизионистов, издал книгу «Как управляют Советским Союзом»²⁹ — очевидное противопоставление книге М. Фэйнсоды «Как правят Россией». Д. Хоф представил в этой книге СССР как еще одно многополярное государство, что во многом совпадало с тем, как с помощью модели ВВП доказывалось, что советская система была лишь разновидностью современной универсальной экономики.

Собственно исторические исследования все же продолжались, и крупнейшей работой ревизионистов тоталитарной школы стала статья Л. Хеймсона в двух частях «Проблема социальной стабильности городского населения России», опубликованная в 1964—1965 гг. в *Slavic Review*³⁰. В действительности все, что сделал профессор Л. Хеймсон для американской науки, — это ввел в оборот теорию поляризации меньшевика Ю. Мартова, но тот вывод, что революция 1917 г. была не катаклизмом (возникшим под влиянием Первой мировой войны), а порождением «двойной поляризации» русской жизни, был для научных кругов Америки открытием новых концептуальных горизонтов. Поэтому Л. Хеймсон стал общепризнанным создателем неоменьшевистской традиции в США. Поляризация по Мартову — Хеймсону произошла, во-первых, между государством и обществом (из-за чего распались неустойчивые политические и экономические структуры императорской России), а во-вторых, между рабочими и буржуазией. Л. Хеймсон

также утверждал, что к лету 1914 г. этот процесс поляризации достиг своей решающей стадии. Следовательно, Октябрь не был «несчастливым случаем», вызванным войной, а являлся логическим следствием социальных процессов, протекавших в России. Что касается позиции неоменьшевиков по отношению к большевизму, она была проста и ясна: это подлинно рабочее движение.

В последующие десятилетия неоменьшевистские начинания Л. Хеймсона, так же как и в случае с социологией, были подвергнуты сильному искажению. Например, знаменитая Шейла Фритцпатрик³¹ настаивала на том, что первая пятилетка была вызвана импульсом «снизу» в виде «культурной революции» рабочего класса и партактива, что результатом этого импульса стало интенсивное «выдвиженчество» рабочих-активистов на руководящие посты, в свою очередь создавшее кадры для «брежневского поколения»³². И Ш. Фритцпатрик, и Д. Хоф почти игнорировали репрессии и чистки, сводя их жертвы к «немногим десяткам тысяч».

Но чтобы понять, что случилось с советологией после 1991 г., нужно обратиться к тому, как сами историки, политологи, социологи и экономисты воспринимали перестройку М. Горбачева. Кратко: большинство оптимистично смотрело на столь долгожданную либеральную реформу коммунистической системы, породившей индустриально развитую урбанизированную сверхдержаву. Гласность, съезды народных депутатов и выборы стали знаменем успеха. Но то что Союз развалился за три месяца после августовских событий, повергло всех этих специалистов в шок, лишь приверженцы тоталитарной школы повторяли, что без ликвидации партии, плана и полицейских структур никакой эволюции событий не могло быть.

Так, с крушением Советского Союза происходит отход от ревизионизма, который не смог спрогнозировать или хотя бы предусмотреть саму возможность распада Союза. Но и временно находившиеся «на подъеме» (примерно со второй половины 80-х до первой половины 90-х гг.) сторонники тоталитарной модели также постепенно ушли с авансены. Этому есть несколько причин. Первая: сами «тоталитаристы» к этому вре-

мени состарились, и лишь немногие продолжают читать публичные лекции и писать книги (ярким исключением являются Ричард Пайпс и Збигнев Бжезинский, 1923 и 1928 гг. рождения соответственно, причем профессор Р. Пайпс в это время даже несколько раз посещал Россию, например, был в Перми в 2003 г.). Вторая: в Америке, в стране свободнейшей рыночной экономики, законы рынка проникли даже в науку. Из-за своеобразной черты американской науки — связи академических институтов и высших образовательных учреждений, когда даже самый известный институт входит в состав университета, и прагматической направленности всевозможных фондов и грантовых систем (что значит отбор заявленных научно-исследовательских проектов по критериям, которые сами фонды и устанавливают) — американские русисты вынуждены, с одной стороны, удовлетворять запросы слушателей (выстраивая свои лекции таким образом, чтобы заинтересовать студентов), а с другой стороны, выполнять только те запросы (по грантам), в которых нуждается американское государство. Спрос рождает предложение — по истине основополагающий закон! Такая ситуация привела к «взлету» исследований ислама и «падению» исследований России. Возможно, это означает, что США нашли себе нового врага, но истинная наука не подвержена идеологическим и политическим конъюнктурам, и в Америке остаются россиеведы, с честью несущие звание профессоров. Однако, как показала последняя конференция Американской ассоциации содействия славянским исследованиям — AAASS (крупнейшая россиеведческая ассоциация Америки), проходившая в ноябре 2004 г., большинство ученых подстроились «под спрос»: две трети докладов на конференции носило культурологический характер, а названия этих докладов порой доходили до абсурда.

Что же ждет американское россиеведение в будущем? Время покажет. Определенно можно говорить лишь о трансформации советологии из отдельной междисциплинарной (де-факто она всегда оставалась полидисциплинарной) отрасли в часть науки, изучающей историю России, хотя в начале 90-х гг. вышеупомянутый профессор Мартин Малиа предсказывал

обратное: в 1992 г. он писал о переосмыслении парадигмы изучения СССР, ничего не говоря о его включении в состав истории России³³.

¹ См. об этом: *Зашихин А. Н.* Глядя из Лондона: Россия в общественной жизни Британии второй половины XIX — начала XX в. Архангельск, 1994.

² См.: *Тараторкин Ф. Г.* Формирование образа России в британской «россике» второй половины XIX — начала XX в. // Россия в Новое время: историографический образ и проблемы интерпретации: Сб. докл. I—V науч. конф. М., 1998. С. 12—23.

³ Там же. С. 15.

⁴ См.: *Рубер А.* Изучение истории России в США // Исторические записки / Под ред. Б. В. Ананьича. 2000. № 3 (121). С. 65—105.

⁵ См.: *Petrunkevitch A., Harper S. N., Golder F. A.* The Russian Revolution; The Jugo-Slav Movement [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.blackmask.com/books124c/7rrjsdex.htm>

⁶ См.: *Пивоваров Е. Г.* О роли Ф. А. Голдера в деле собирания материалов зарубежной архивной «россики» в США // Общество и власть: Материалы межвуз. конф. СПб., 2001. Ч. 1. С. 200—208.

⁷ См.: *Golder F. A., Hutchinson L.* On the Trail of the Russian Famine. Stanford, Calif., 1927.

⁸ См.: *Рубер А.* Указ. соч. С. 65—105.

⁹ См.: *Robinson G.* Rural Russia Under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. N. Y., 1932.

¹⁰ См.: *Emmons T.* Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // American Historical Review. 1995. № 100. P. 1136.

¹¹ См.: *Петров Е. В.* Обзорение фондов русских историков-эмигрантов в архивах США // Проблемы славяноведения: Сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2000. Вып. 2. С. 286—295.

¹² См.: *Рубер А.* Указ. соч. С. 65—105.

¹³ См.: *Полотовская И. Л.* Марк Раев — заслуженный профессор русских исследований Бахметьевского архива // Россика в США: Сб. ст. Вып. 7: Материалы к истории русской политической эмиграции. М., 2001. С. 65—79.

¹⁴ *Chamberlain W.* The Russian Revolution: 1917—1921. L., 1935. Vol. 1—2.

¹⁵ См.: *Dossick J.* Doctoral Research on Russia and the Soviet Union. N. Y., 1960.

¹⁶ См.: *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951.

¹⁷ Цит. по: *Малиа М.* Из-под глыб, но что?: Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93—109.

¹⁸ См.: *Friedrich C. J., Bzevinski Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambr., 1956.

¹⁹ См.: *Schapiro L.* The Origins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. N. Y., 1955.

²⁰ См.: *Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960.

²¹ Пример М. Фэйнода и З. Бжезинского очень показателен: первый был членом президентской комиссии по административному управлению, а второй — помощником президента США (в период президентства Д. Картера) по вопросам национальной безопасности.

²² См.: *Fainsod M.* How Russia Is Ruled. Cambr., 1953.

²³ *Малия М.* Указ. соч. С. 105.

²⁴ См.: *Bergson A.* The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambr., 1961.

²⁵ Стоит отметить, что еще до распада СССР в 1990 г. Американский институт предпринимательства провел конференцию по советской «лжестатистике», где делался вывод о том, что западным ученым не известны масштабы советской экономики или ее ВВП, какой бы период они не взяли.

²⁶ См.: *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern Road. L., 1966. Баррингтон Мур (род. 1913) — гарвардский профессор.

²⁷ Цит. по: *Меньковский В. И.* Власть и советское общество в 1930-е годы: Англо-американская историография проблемы. Минск, 2001. С. 180.

²⁸ См.: *Меньковский В. И.* Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук // Современ. исслед. 2002. № 3. С. 3.

²⁹ См.: *Hough J.* How the Soviet Union Is Governed. Cambr., 1979.

³⁰ См.: *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia // *Slavic Review.* 1964. Dec.; 1965. March.

³¹ Сейчас она работает главным редактором именитого американского «Журнала новой и новейшей истории».

³² См.: *Fritzpatrick S.* Cultural Revolution in Russia: 1928—1931. Bloomington, 1978.

³³ См.: *Malia M.* From Under the Rubble, What? // *Problems of Communism.* 1992. Vol. 41. Is. 1—2. Перевод этой статьи: *Малия М.* Указ. соч.